

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

ТРИ ДНЯ ОДНОГО ГОДА

1. Наследники

По Патриаршему мосту, соединяющему институт “Стрелка” Александра Мамута и храм Христа Спасителя, шли трое весёлых молодых людей и громко разговаривали матом.

– Зря вы это, ребята, – не выдержала я. – Не ругайтесь, поберегите себя.

– Вам-то что?! – вскинулся самый маленький, похожий на взъерошенного воробья. – Мы вас не трогаем!

– Это всего лишь слова, – снисходительно пояснил рыженький, с серьгой в ухе.

Третий, мускулистый крепыш, помалкивал (возможно, подбирал какой-то цензурный аргумент, а это непросто).

– Слова? И они ничего не значат? Вас как зовут? – спросила я рыженького.

– Кирилл.

– Прекрасное имя! А вот представьте, я к вам обращаюсь не Кирилл, а...

– ..! – радостно заорал крепыш и повторил несколько раз нехорошее слово, коим вошёл в историю один из киевских дипломатических работников.

– Да ты чё? С катушек съехал? – опешил Кирилл. – Я тебе сейчас по чайнику настучу!

Крепыш нервно смеялся и аж подпрыгивал, радуясь удачной шутке. Он на все лады смаковал обидную кличку.

– Ёлы-палы... Пожалуй, вы правы, слова – это важно, – с удивлением выговорил маленький.

– Молчи, Максим, – отмахнулся рыженький. – Одно дело имя, а другое – всё остальное.

– Но ведь все слова – имена. Они что-то или кого-то называют. За каждым словом есть живой образ! А вы всё сводите к грязи.

– А Пушкин? – запальчиво выкрикнул маленький.

– Он написал “Гавриладиу” в юности, а после стыдился этой поэмы и даже отрекался от неё, называя “гадостью”.

– Вы чё, это... путинистка? – подозрительно выговорил крепыш.

– С чего вы взяли?!

– А то, – закричали все трое разом, перебивая друг друга, – учить нас решили! Везде ложь, враньё! К геям этим привязались – да пусть живут, как хотят! Дворцы за границей понакупили! Сами туда смоятся, а мы будем тут сидеть в полной заднице! Под санкциями, как лохи! От нас весь мир отвернулся! Вот ваши доходы за год как упали? А дальше ещё хуже будет!

– А Путин – плохой?
– Да!!!
– А должен быть справедливым, честным, умным, не говорить “мочить в сортире”...

– Да!!!
– То есть у него полно обязанностей, он должен быть идеальным правителем, а вы в общественном месте, рядом с храмом, себя даже сдержать не можете? Так получается?

– Мы – другое дело, – вывернулся рыженький. – Мы – свободные люди, что хотим, то и делаем. Это наша жизнь!

– То есть вы – просто люди?

– Да.

– Или – русские люди?

Дружный хохот был мне ответом.

– Русские, – взялся мне объяснять крепыш, – это миф. Вот вы – смуглая, черноглазая, вы что, кровь свою знаете?! Можете на сто процентов сказать, что вы – русская?

– Ну, в себе-то я не сомневаюсь. А вас спрошу вот о чём: вы живёте в государстве, которое, в основном, построили русские. Так?

– Пожалуй... – пожал плечами маленький.

– Говорите на языке, который создал русский народ. Расходуете слова, пачкаете, низводите их до помоев, в общем, проматываете. И русскими себя не считаете. Так кто же вы?!

– Мы – люди, и мы никому ничем не обязаны! – взвился рыженький. – Наша жизнь, как хотим, так и проживаем, что хотим, то и делаем. И мат – это здорово! Не надо копить в себе эмоции! Пришло в голову – высказался, освободился... Это психологически правильно, отрицательное чувство не должно разрушать здоровье человека!

– Замечательная логика! А вот представьте, идёт 1941 год, бойцы сидят в окопах под Москвой и рассуждают таким же образом: с какой стати мы будем биться с немцами, если все мы – люди? Нам страшно, а мы тут будем копить эмоции, сдерживаться... Не правильной ли дать дёру, сохранить здоровье?! И вообще, мы никому ничего не должны. Сталин – сатрап, тиран. Что мы тут, за него помирать, что ли, будем?! От нас весь мир отвернулся, Европа нас презирает, хочет наказать за коммунизм.

– Это вроде другое... – неуверенно выговорил крепыш. – Сравнили войну и трёп!

– Но словами обозначается всё: мама, родина, народ, имя! И если вы десять тысяч раз назвали что-то грязно, то в решительный момент у вас просто воли не хватит сказать и подумать по-другому. Привычка сработает.

– Мы люди маленькие, – убеждённо заговорил рыженький. – Все ваши аргументы для нас – дым сигаретный! Нас политика и религия не интересуют, потому что это – полный отстой, враньё, сказки! Мы – потребители, нас качество сервиса волнует.

– Маленькие, а какие большие претензии! Если вы предъявляете требования к Путину (он, кстати, согласно вашей логике, должен жить в своё удовольствие, потому что никому ничем не обязан), то почему я не могу предъявить претензии к вам: не ругаться в общественном месте?!

– У Путина есть обязанности, он должен к народу прислушиваться, – быстро сказал маленький.

– К какому народу?! К чеченскому, что ли?

– Почему к чеченскому?

– Ну, вы ж сказали, что русские – миф, значит, никакого народа нет.

– Народа нет, а есть просто люди, и к людям надо прислушиваться, – поправил маленького рыженький.

– Но чеченский народ есть? Есть. Татарский? Есть. Даже чукотский народ есть! Почему же вы отказываете в существовании русскому народу?! Это раз. А во-вторых... Вот представьте, – с моста, несмотря на вечернее время, был хорошо виден Кремль, – представьте, что Путина окружают такие же люди, как и вы. Их всех волнует качество сервиса и больше ничего. Все они считают, что: 1) никакого народа нет, есть просто люди, и между ними существует конкуренция; 2) надо жить в своё удовольствие, не обращая внимания на других; 3) никто никому ничего не должен.

– Бред... – растерялся маленький. – Не может быть такого! Нет, они так думать не должны! Они о нас заботиться обязаны!

– Не, ну, а для чего жить-то? Вы что, знаете, что ли?! Каждый за себя отвечает! Мы все умрём! – зачастил рыженький. – На что хотим, на то и расходует себя!

– То, что все умрут, с этим не поспоришь. Вопрос в другом: народ русский тоже должен умереть вместе с вами, или у него есть шанс выжить?! Посмотрите, вы пришли в мир на всё готовенькое: у вас есть государство, которому больше тысячи лет, язык, на котором написана великая литература, и вы всё это хотите прожить “в ноль” и ничего не оставить после себя?! Так получается? Кирилл, а дети у вас будут? Они вообще-то где должны жить? Что-то не особо в Европе привечают беженцев из Африки! А ведь это тоже люди, так?

– Прямо голова заболела от ваших слов! – пожаловался крепыш. – Поговорили – и хватит! Я домой хочу!

– Останемся каждый при своём, – буркнул рыженький. – У нас свои права!

– Вы как будто в лихие 90-е не жили!.. А мы – их дети! – упрекнул на прощанье маленький.

Да, дети! “Рождённые в года глухие // Пути не помнят своего. // Мы – дети страшных лет России – // Забыть не в силах ничего...”

2. Самозванцы

Анна Н. – человек в московских кругах известный. Трижды за последние четыре года она прокатилась на “русских горках” – пережила карьерный взлёт и стремительное крушение. Хотя работать умеет, не ворует, характер нордический, без вредных привычек и проч.

Специализировалась Анна на госучреждениях – федеральных партиях, департаментах и министерствах, и теперь вернее любого социолога может описать качество управленческих кадров и “спасителей Отчества”. Оно примерно такое же, как у владельцев шахты “Северная” и иных советских активов. То есть в лучшем случае – нулевое, в худшем – с глубоким отрицательным знаком. Потому, произоюди “взрыв метана” в общегосударственном масштабе, элитарии спишут всё на действие природы. “А как же Россия? – А мы её затопили...”

Казалось бы, чем темнее ночь, тем ярче звёзды – на фоне этих чёрных дыр достоинства свежего профессионала должны были воссиять! Не тут-то было. Послушаем Анну: “Все мои великие начальники были либо из “блатных” (чьи-то сынки), либо “ширмы” (подставные фигуры), либо лъстцы и лизоблюды. Последние, кстати, самая тяжёлая категория. Если “блатным” всё, кроме красивой жизни в Мюнхене или Ницце, по барабану, а “ширмы” придают косметическое благообразие воровству, то лизоблюды полностью зависят от мимики своих повелителей. Ну, а те, соответственно, попали наверх по знакомству. Замкнутый круг!”

Что же становится “моментом истины” при столкновении с новой номенклатурой? “Каждый человек, претендующий на должность в структуре власти, должен пройти процедуру инициации. Но поскольку люди, находящиеся на вершине пирамиды, за редким исключением, занимают свою должность не по чину и подсознательно это чувствуют, они играют на понижение. В “сытые годы” любой новичок должен был обязательно замараться – поучаствовать в коллективном воровстве. Ныне обряд посвящения принял иные формы: человека должно публично унижить и оскорбить, сломить морально. Психологически действие оправдывается так: мы тоже терпели, нам “чистенькие” не нужны. Чувство человеческого достоинства – непозволительная роскошь для госслужащего. А народ вообще воспринимается, как биомасса, из которой лепят востребованные моментом фигуры”.

Интересные наблюдения! Игру на понижение мы видим везде: деятели новой культуры кричат, что без мата они не то, что шедевры создавать, но и говорить уже не могут, про телевизионную “воронью слободку” вообще промолчим, школа должна растить “потребителей” по примитивным программам, власть... Ну, это только слепой не видит, что делает власть! Культурное, языковое, ментальное качество народа целенаправленно понижается

много лет. И не только с помощью распахнутых границ со Средней Азией. Но и, прежде всего, средствами информационной, образовательной, кадровой политики. Качество народа надо было срочно понизить до качества управителей — для комфортного властвования последних.

Ой, вовсе не золото всплыло наверх! Причем в любой отрасли.

Когда же произошло это трагическое для страны “окукливание” новой номенклатуры, превращение её в совершенно безнравственный, с элементами неадекватности легион? Ну, разве будет нормальный человек, а не kleptomан, сам себе назначать сверхзарплаты в миллионы рублей в день?! Но срабатывает механизм психологической компенсации — деньгами наши самозванцы “заливают” свою профессиональную и нравственную несостоятельность. Трудно понять сию логику, но попробуйте: “Мы в госкорпорации получаем огромные оклады, значит, мы действительно великие управленцы, достойны!” Шизофренический круг замыкает служба пиара, платными “аллилуями” окончательно бетонируются остатки разума. “В газетах пишут, что мы хорошие, значит, так оно и есть”. А другие, критические публикации можно и не читать — у великих всегда будут недоброжелатели.

Из новейшей истории. В 2003–2004 годах в России проходила очередная реформа госслужбы. Советниками кадровой революции выступили Нил Парисон, главный специалист Всемирного банка по вопросам госуправления, и Горд Эванс, старший консультант Института государственного управления (Канада). Зарубежные специалисты подготовили для нашего правительства “Аналитическую записку по административной реформе”. Советники скорбели об увиденном: слишком мал разрыв в зарплатах между простым смертным бюджетником и замминистра — всего 1:3,7. Вот тебе и “лихие 90-е”! Ельцин-то, оказывается, социальное государство строил! Недоработал-сь Борис Николаевич! Посему Парисон и Эванс рекомендовали увеличить разрыв до 1:20. Ну, а люди с горячим сердцем и чистыми руками план перевыполнили в сотни раз...

Что же мы имеем на выходе? Начальник — это не ответственность, не профессионализм, не эффективность, а огромная зарплата, пожалованная за личную преданность. Что требуется от такого руководителя? Сиди, грей место, наслаждайся жизнью, славь царя-батюшку и закрывай глаза на всё остальное.

А как же народ?! В нашем Отечестве, где теперь всё делается по воле Божьей, а не по плану охваченных бесом коммуналь, народ занимает то место, которого он и достоин! Народ рождён для низкооплачиваемой работы, дирижируемых выборов, рейтингов и массовок. Ну, и ещё всякие калечные-увечные, которым надо платить пенсии да содержать для них здравоохранение. Идеал народа у нынешней власти — азиатский гастарбайтер в расцвете лет. Приехал, приумножил богатства начальников, отбыл на историческую родину. На него и равнение, он язык мата быстрее поймёт, чем романы Толстого и Достоевского.

Игра на понижение изрядно проредила и нынешний правящий класс, в нём практически не осталось ярких фигур, дабы они не рождали опасных сравнений, например, с председателем нынешнего правительства. Да и возвышение Дмитрия Медведева, будем говорить откровенно, тоже результат игры на понижение.

Интеллигенция? Учёные? А сколько купленных диссертаций или даже добросовестно написанных — ни о чём! Целые массивы мёртвого, пустого слова. Но ведь и эти “учёные” кого-то учат, кем-то руководят, понижая и без того невысокий уровень нашей науки.

Топ-менеджеры-самозванцы, которым нельзя доверить даже управление колхозной бригадой. СМИ-самозванцы, воспевающие самозванцев. В магазине — сыры-самозванцы, фальсификаты, наспех состряпанные “по велению партии” из пальмового масла по программе “импортозамещения”. Богачи-самозванцы, поднявшиеся не талантом и трудом, а воровством и присвоением чужого добра. Писатели-самозванцы, за которых работают литературные “негры”. Офицеры-самозванцы, осуждённые за взятки, но не лишённые чинов, погон и должностей. Орденосцы-самозванцы, награждённые за несуществующие заслуги.

Резко пишу?! Но ведь всё это — правда!

Самозванцы подозрительны и завистливы, они живут “здесь и сейчас”, не рассчитывая на “потом”. Самозванцы боятся конкуренции, потому что

у них нет опоры, они вознесены на вершины власти игрой случая и готовностью следовать путём подлости.

Вопрос: почему всё это случилось с нами? Есть что-то глубинно-нерусское, антинациональное в той системе власти и управления, которые сложились ныне в России. Что же потеряно, выронено нами прежде, если эта самоубийственная, саморазрушающая основы государства программа так последовательно и неотступно реализуется правящим классом, втягивая в неё всё новые и новые сферы жизни? Где же вы, патриоты, герои, государственные люди? Где тот спастительный ключ, рычаг, который мог бы повернуть страну к лучшему, изменить самоубийственный расклад? Неужели новая смута и распад нашей родины неизбежны, и мы ничего не сможем сделать?!

Украина была репетицией. Разница между нами невелика. И не надо думать, что майдан и его итоги удержат Россию от потрясений. У бедняков, униженных и оскорблённых, есть своя духовная радость – анархия. Им всё равно ничего “не светит” в нынешней системе координат. Так почему для них, многократно обобранных и “выдоенных”, государство должно быть ценностью? Для “вертикали”, у которой недвижимость и дети в Лондоне, Россия – не ценность, а для ипотечников и безработных люмпенов – ценность?! Окститесь, товарищи бывшие члены КПСС, а ныне “глубоковерующие” управители наши.

Формирование сословия самозванцев, больших и малых клептоманов – результат долгосрочной игры на понижение. Но рано или поздно Анны и Иваны, Татьяны и Фёдоры встретятся лицом к лицу со своими дорогостоящими “слугами”. Столкновение правды и лжи неизбежно. Как поведёт себя ложь, думаю, понятно. А вот народ... Даже “пониженный”, он-то и есть главная сила русской истории!

Народ знает, что ему ради самосохранения нужно обязательно вернуться к себе. Вопреки всему! Потому что “Нашу жизнь не сделают красивой // Те, сегодня в мире непростом, // Кто торгует нами и Россией // Перед обелиском и крестом”.

3. Недальновидные люди

Мы сидели в кафе с кандидатом в депутаты Законодательного собрания, и он мне буднично рассказывал, как 15 лет назад “играл в демократию”. Его хорошего знакомого, главу одного из районов, областная власть засадила в тюрьму за несовпадение коммерческих интересов. Попытки договориться миром ни к чему не привели. Случай был по тем временам вопиющий. Тогда мой собеседник, в ту пору депутат, и ещё пять таких же “дураков” протестно проголосовали против губернатора при очередном утверждении его в должности.

“Ну, держитесь”, – торжественно сказали строптивцам. За два месяца все были разорены в ноль – проверками, заморозкой кредитов, “наездами” криминалитета, возбуждением уголовных дел и пр. Двое сдались сразу, бросили всё и уехали из области. Один умер от инфаркта. Ещё один бился до конца, и потому до сих пор в долгах, а в глазах местного населения – вор и мошенник; такую репутацию ему соорудили подконтрольные СМИ. Двое, спустя годы, были “прощены” – им разрешили мелкий бизнес – на прокорм семьи. Но из политики ушли все.

Мой собеседник пережил предательство – с ним, как с прокажённым, боялись общаться бывшие коллеги, “принудительный дефолт” – бизнес его разорили, унижение – вчерашний народный избранник стал изгоем, “хромой уткой” в глазах местной “элитки”.

И вот, спустя столько лет, он снова идёт на выборы. По одномандатному округу – дверца во власть слегка приоткрылась, и самовыдвиженец решил рискнуть. Наивность недобитого кандидата? Или правильное понимание политического момента – коррупционные пивяки, насосавшись народной крови, потеряли манёвренность, значит, можно попробовать их “отцепить” от отощавшего гостела? Или кандидатом движет жажда мести? (Достойная, по-моему, причина!) А может, его призвание – служить Отечеству? Идеализм ещё не полностью убит в русском народе, и как не подставить плечо государству в трудный момент?! Ситуация-то в стране критическая. Этого не понимают только слабоумные...

После обеда мы поехали в деревню, бывший совхоз, где люди живут в аварийных домах. Это пенсионеры, отышачившие всю жизнь на родимое

государство. Дома стали аварийными после масштабного стихийного бедствия. Природный катаклизм показали по телевидению, была создана комиссия, прозвучали солидные заверения, что “ни одна семья не останется без помощи” и пр. Как всегда, кроме слов, пиара и распила, почти ничего сделано не было. Да, помощь получили, но те, кто понаглей и попронурыливей, и не всегда это были люди из аварийного жилья.

И вот на носу зима, а в подполе дома, вровень с половицами — вода. Фундамент подмыт, стены пошли трещинами, рамы на окнах “поехали”. Если смотреть на дом с улицы, видно, как провисла крыша.

Мы с кандидатом стояли посреди грязной улицы (дорог нет — не Европа, чай!), вокруг нас собралась толпа пенсионерок в калошах, одни возмущённо кричали, некоторые плакали, другие рассказывали, что им чиновники посоветовали приватизировать муниципальные развалюхи, мол, “так будет лучше”. А в воображении моём проносились, как в кино, кадры роскошных дворцов “слуг народа” — в Подмосковье, в Ницце, в Майями, в Монако... Никогда прежде в истории России воровство не возводилось в высшую добродетель, а воры не требовали себе таких державных почестей и поклонения!

“Зайдёмте в дом”, — звала нас хозяйка, вытирая слёзы и заглядывая в лица. Она надеялась, что, может, очередная “комиссия” сдвинет дело с места, замолвит за неё словечко. “Домом” она назвала жалкую хибару с перекошенными стенами, с подмытым фундаментом. “Дом” был далеко от Москвы, от Сирии и Пальмиры, от саммитов с Обамой и Меркель, от роскошных церквей с нарядными священнослужителями, от большой политики с весомыми зарплатами и судьбоносными записями в соцсетях.

Мы вошли. Комната была почти свободна от мебели. На старом обтёрханном креслице сидел хозяин в куртке (в доме было холодно) и хлебал пахучий борщ. Железная миска стояла на табуретке, застеленной газеткой. Хозяин смотрел старенький телевизор, по экрану шла политическая реклама — партии обещали “светлое будущее”, показывали лощёных, сытых лидеров, грозили врагам, призывали прийти на выборы и проголосовать за их номер в бюллетене.

“Это комиссия”, — объяснила хозяйка мужу. Мы поспешили в другую комнату — совершенно пустую. Здесь хозяева провели ремонт — покрасили полы. В углах пошли трещины, обнажив кирпичи. На одной из стен — я подошла ближе — к стареньким обоям был приклеен предвыборный календарь прошлых лет с улыбающимся губернатором. Картинка выцвела, и лозунг под портретом — “Только вперёд!” — читался с трудом.

... И тут память услужливо перенесла меня в сегодняшнее утро, которое мы провели на городском базаре. Власти расстарались перед выборами и устроили крестьянам счастье — полдня можно торговать беспощинно, если товар с личных подворий, а не от перекупщиков. Мы ходили по утреннему базару втроём: кандидат в депутаты, парнишка-агитатор и я. Студент вручал листовку прохожему или продавцу и, если наше трио не прогоняли сразу, завязывалась эмоциональная беседа. “Познакомьтесь, вот кандидат в депутаты Заксобрания. — Тю!.. Очень надо! Все вы одинаковые! — С чего вы взяли? Вы нас первый раз видите. — И последний, я не сомневаюсь. — Приходите на выборы! — Без нас проголосуют и посчитают. — Ничего не изменится, если вы будете сидеть дома и ругать власть! — А что вы можете?!..”

В ответах этих усталых, преждевременно состарившихся людей с натруженными руками была своя правда. Они не верили ни в какие “демократические процедуры”, откровенно потешались над агитацией. Эти люди с землёй, с огородами, из заброшенных деревень, где до сих пор печное отопление, а газовая труба — недосыгаемая роскошь, уже перевидали всякого, и потому беззлобно подначивали кандидата: “Ну, чё ты там обещаешь? — Ничего! Работать будем вместе! — Ха, насмешил! А мы думали скажешь: мёд будем ложками черпать...”

Но странное дело, чем чаще мы натыкались на убеждённых критиков, тем больше приободрялся кандидат, тем уверенней себя чувствовал, говоря с селянами. “Только народная власть может быть крепкой и устойчивой. Вы говорите: мы тебя не знаем, почему мы должны тебе верить?! Но я пришёл к вам за помощью, я прошу вашего голоса. Неужели лучше “кот в мешке”, которого вы выбираете, даже не видя его, голосуя за список?! Или клоуны в телевизоре, которые сидят там десятилетиями? Бездельники! Неужели они вам надоели? Я же ваш, свой! Я живу здесь, я весь как на ладони”.

Видя сей горячий идеализм, крестьяне морщились или отводили глаза в сторону. А общий скепсис суммировал мужик, продававший картошку: “Выборы! Соревнование, кто больше наврёт. Мы в твою жизнь не лезем, давай отсюда, вали! Только вперёд!”

...На джипе кандидата в депутаты (очень кстати была эта машина – на другой бы не выехали из хляби) мы покинули, наконец, депрессивную деревню с аварийным жильём, которое вполне могло сойти за метафору современной России. С нами был молодой парень, помощник кандидата. “Я считаю, они сами виноваты, что оказались в таком доме, – сказал он. – Недальновидные люди. Тут же всегда топило, уезжать надо было раньше”.

Кандидат в депутаты молча вёл машину. Тогда я сказала: “А вы видели, в сенях у этой семьи стоят банок сорок со свежими закрутками на зиму? И корзина только что собранных грибов. – И что? – Они на своём месте делают, что могут. А что сделали мы?!”

Иностранное авто – чудо немецкого автопрома – летело по пустой русской дороге. Все молчали, только натужно гудел мотор. “Что же эта за тайная рать – // Я разгадывать не обессилю – // Вдруг сумела у нас отобрать // Радость счастья и труд, и Россию?” – ответа на этот вопрос поэта у нас пока не было...